

Тензоу предположил, что Лили неправильно называет три известные энергии (ментальную, физическую и природную) магией, и ответил: "В таком случае да, я верю в магию".

"Я рада", - ответила Лили, повернувшись к нему и одарив лучезарной улыбкой, и Тензоу покраснел в ответ. "Я не могу представить, что буду жить, веря в то, что магии не существует. Мир был бы вымыт и скучен, если бы не было магии, которая вдохнула бы в него краски и жизнь".

Тензоу отвлекся от воспоминаний, когда голос Токаге резко вернул его в настоящее: "Странно, все рубцы и волдыри исчезли, как только я вывел энергию из твоего организма. Этого не должно быть. Удаление чужеродной энергии не должно было исцелить рубцы и волдыри. Физические травмы не должны были так исчезнуть; исцеление так не работает. Мне придется провести несколько тестов..."

"Проверьте его на осложнения позже; я хочу сначала разобраться с испорченной энергией, прилипшей к маленькому гаки, чтобы его можно было как следует проверить на предмет потенциальных проблем и угроз", - вмешался Касаи, прежде чем Токаге успел сказать, какие именно тесты он планирует провести с Тензоу.

"Конечно, Касаи-сама, - вздохнул Токаге, отходя от Тензоу и подходя к деревянному столу, за которым лежал спящий Харуо.

Тензоу переместился на противоположную сторону стола, чтобы наблюдать за процедурой и быть достаточно близко, чтобы схватить сына, если тот проснется и попытается в панике убежать. Токаге сложил большие и указательные пальцы треугольником вокруг зазубренного шрама на лбу Харуо, а костяшки остальных пальцев слегка прижались к коже. Через долю секунды руки медика засветились исцеляющей чакрой, которая растеклась по краям неровного треугольника, а затем просочилась в здоровую ткань, окружающую странный шрам.

Секунды быстро превратились в минуты, и вскоре Тензоу почувствовал легкий запах тела, наполнивший воздух, а Токаге начал потеть от напряжения, несмотря на то что внешне казалось, что ничего не происходит. Прошло еще двадцать минут, и рубашка Токаге намочла от пота, а руки начали дрожать. Как раз в тот момент, когда казалось, что медик потеряет сознание от усталости, не успев закончить начатое, шрам на лбу Харуо разошелся, и из зазубренного пореза хлынул поток крови, гноя, черной смолы и густого дыма.

Цвет дыма почти полностью совпадал с зеленым цветом исцеляющей чакры, покрывавшей руки Токаге, и Тензоу не мог не вспомнить, как отреагировал Харуо, когда Токаге впервые попытался его просканировать. От дыма исходило огромное количество злобы, и Тензоу, и Токаге отпрянули от поднимающегося дыма, чтобы не вдыхать его; оба мужчины инстинктивно понимали, что этот "дым" может их убить. Когда ужасный пар собрался в воздухе над ребенком, он сформировался в густое облако, которое на мгновение приобрело подобие лица, а затем разбилось, как стекло, и исчезло.

Одновременно с исчезновением дыма из шрама Харуо перестал вытекать и кристаллизовался

осадок, похожий на деготь, который стекал с лица мальчика. Шрам продолжал сочиться кровью и гноем еще минуту, прежде чем инфекция полностью очистилась от шрама. Как только кровь вытекла, шрам закрылся и потускнел, осталась лишь слабая неровная линия, похожая на молнию. Токаге прервал поток исцеляющей чакры, который он вливал в Харуо, а затем переместил руки и инициировал диагностическое сканирование, чтобы подтвердить, что чужеродная энергия была удалена из шрама ребенка.

"Ну как?" потребовал Касаи, когда Токаге закончил сканирование и вытер кровь и гной с лица мальчика, после чего убрал руки от ребенка.

"Удаление прошло успешно", - устало ответил Токаге, просунув руку под чешуйчатую маску, чтобы вытереть пот с лица, а затем собрал кристаллизованную субстанцию, вытекшую из шрама Харуо, и запечатал ее в свиток для хранения, который достал из кармана. "Через пару дней я подготовлю для вас полный отчет, включая анализ вещества, которое было смыто со шрама. Если от меня больше ничего не требуется, мне нужно несколько дней, чтобы прийти в себя".

"Свободен", - без всякой необходимости приказал Касаи, опуская барьер, чтобы Токаге мог, пошатываясь, выйти из комнаты. Командир АНБУ подошел к столу и пять долгих минут смотрел на спящего Харуо. Затем он поднял глаза и встретился взглядом с Тензоу: "Отведите сына в свою каюту, чтобы он мог отоспаться; не покидайте с ним помещение. Я ожидаю, что вы сообщите мне, как только он проснется, чтобы можно было завершить остальную часть его оценки".

"Хай, Касаи-сама", - ответил Тензоу, забирая сына и снова укладывая его под плащ.